
ИДЕИ И ПРАКТИКА: МЕТАМОРФОЗЫ СМЫСЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.А. ТОЛПЫГИНА*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИСКОВ И УГРОЗ В ПАРТИЙНОЙ ИДЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ)

Аннотация: В статье исследуется специфика рисков и угроз, артикулируемых российскими парламентскими партиями в программной риторике. Риски и угрозы рассматриваются как многофункциональные идеологические комплексы. В статье отмечается, что обращение к рискам и угрозам является традиционным инструментом партийного идеологического творчества. Рассматривается специфика рисков и угроз российских парламентских партий, а также их динамика с 2012 г. по настоящее время.

Также отмечается, что в контексте сужения идеологической конкуренции партийные идеологии демонстрируют тенденцию к сближению своих идейных позиций.

Ключевые слова: общество риска; партийная идеология; партийная риторика; риски; вызовы; угрозы.

О.А. Tolpygina

Interpretation of the risks and threats in the party ideology (The example of Russian parliamentary parties)

Abstract. This article explores the specific risks and threats articulated by the Russian parliamentary parties in the program rhetoric. Risks and threats are considered

---

* Толпыгина Ольга Анатольевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Самарского национального исследовательского университета им. академика Королева (Самара), научный сотрудник ИНИОН РАН, e-mail: olga.antol@gmail.com

Tolpygina Olga, Samara National Research University (Samara), Institute of Scientific Information for Social Science, Russian Academy of science (Moscow), e-mail: olga.antol@gmail.com

to be multifunctional complexes ideological. The article notes that the appeal to the risks and threats is a traditional tool of party ideological creativity. We consider the specificity of the risks and threats of Russian parliamentary parties, as well as their dynamics from 2012 to the present. The article also notes that in the context of the restriction of competition ideological party ideology show a tendency towards convergence of its ideological positions.

Keywords: risk society; party ideology; party rhetoric; risks; challenges and threats.

В современной социальной науке понятие риска уже давно стало одним из ключевых, оно характеризует способ функционирования современного общества, причины и траектории его трансформации. При этом четких дефиниций для этого понятия нет. Классики социологии риска У. Бек [Бек, 2000], Э. Гидденс [Гидденс, 1994] описывают, прежде всего, условия возникновения общества риска, его специфику и изменение системы отношений между властью и гражданским обществом в нем. У авторов риск предстает результатом процесса модернизации, выступая сложным, слабоуправляемым, подвижным явлением. Н. Луман [Луман, 1994], изучая онтологические основания риска, также не предлагает его определения¹. Обе традиции, как отмечает В.В. Гришаев, «не столько объясняют риск, сколько дают возможность избежать ущерба» [Гришаев, 2002].

Между тем понятие риска и другие категории, описывающие остро-проблематичные социальные ситуации и их потенциальные негативные возможности (угрозы, вызовы, опасности, катастрофы и т.д.), активно используются не только в научном, но и в общественно-политическом дискурсе и становятся важной частью риторики субъектов политического действия – политиков, властных институтов, структур гражданского общества, контрэлит, медиа, политических партий.

Об особой связи между политической сферой и пространством рисков писали еще классики теории общества риска. Так, У. Бек описывает политизацию социальной реальности в обществе риска

---

¹ Н. Луман стремится различить понятия риска и опасности: «Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [Луман, 99, с. 31].

и расширение пространства политического, когда «локальные» проблемы и конфликты приобретают политическое измерение – как, например, защита окружающей среды, экологическая проблематика, поддержка определенного жизненного стиля и т.д. Э. Гидденс отмечает значимый статус политики как сферы управления, постоянно соотносящей решения с их последствиями, в мире, в котором риски приходят на смену предопределенности. Политическая сфера, по мнению Гидденса, была первой общественной структурой, которая стремилась рационализировать понятие риска, интегрировать знание о нем и его последствиях в конкретные практики управления. В терминологии Гидденса политика выступает сферой «колонизации будущего», которая возможна при упорядочивании и организации рисков. Об этой же специфике политического говорил и Н. Луман: «...расширение пространства для принятия решений – долговременный тренд общественного развития – ведет к рационалистическим требованиям в сфере риска. Теперь речь идет уже не о специальных ситуациях, как в случае мореплавателей или грибников, – риском в значительной мере охватывается вся повседневная жизнь людей, которых снабжают информацией массмедиа» [Луман, 1994, с. 142]. Необходимость селекции, отбора и наименования рисков раскрывает широкие возможности и даже диктует необходимость их превращения в социальный конструкт. Как отмечал Н. Луман: «В этих условиях для социологов естественно признать сам риск социальной конструкцией и пытаться выяснить факторы, влияющие на эту конструкцию» [там же, с. 138].

Интерпретация риска как конструкта связана в том числе с ролью экспертизы в идентификации и обосновании риска. Говоря о специфике рисков современного общества как невидимых и неосознаваемых, У. Бек отмечает повышение роли экспертов, способных диагностировать риск. Н. Луман, продлевая эту логику, интерпретирует экспертизу как политический инструмент: эксперт, задавая параметры риска (его глубину, остроту и характер последствий), выступает субъектом принятия решения, принимая на себя ответственность за работу с рисками, задавая объем своих полномочий: «В случае организованного решения устанавливаются сферы компетенций и тем самым возможности влияния, вплоть до официальных каналов влияния» [Луман, 1994, с. 147].

Задавая параметры рисков, эксперты формируют пространство лояльности среди неспециалистов и таким образом обеспечи-

вают поддержку своих инициатив. Риски и угрозы делают людей уязвимыми перед лицом субъектов конструирования, снижая уровень рефлексии и критического восприятия. Как отмечает С. Жижек, «человеческое ощущение крайних обстоятельств опосредовано, даже сверхдетерминировано, ясными политическими соображениями» [Жижек, 2010, с. 17]. Общественное согласие и консенсус по поводу рисков выступают, таким образом, мощным механизмом общественной мобилизации.

Активное использование рисков и угроз в политике объясняется и многими другими инструментальными возможностями, которыми они обладают. Например, это эффективное средство упрощения социальной реальности, ее сведения к наглядным и эмоциональным формулам. Эту функцию рисков и угроз убедительно исследует Д. Горин в статье «Навязанная (без) опасность»: «Если система мысли основывается на упрощении реальности... то уязвимость и внутренняя противоречивость такой системы мысли требуют компенсации. Эта компенсация находит свое выражение в постулировании многочисленных опасностей, навязывание которых позволяет перевести внутренние противоречия во внешние» [Горин, 2013, с. 140]. Таким образом, риски и угрозы как социальные конструкты являются эффективным политическим инструментом.

В нашей статье мы исследуем, как политические партии, будучи субъектами идеологического творчества, используют понятия рисков и угроз, какими смыслами их наполняют, другими словами, – в чем суть социального конструирования рисков и угроз, которое осуществляют партии.

* * *

Роль российских партий в формировании политических смыслов и значений ограничена многими факторами. Например, их невысоким статусом как в политическом пространстве, так и в общественной сфере. Однако мы исходим из того, что партии – устойчивый политический институт, каждая из них обладает своим электоратом. Кроме того, в периоды обострения социальных конфликтов усиливается общественный запрос на новые идеи и на политические партии как субъекты их производства.

Целью нашего исследования является анализ специфики рисков и угроз в риторике российских парламентских политических партий, а также их динамики за период с 2012 г. по настоящее время. Мы остановились на парламентских партиях в связи с тем, что они обладают большими возможностями формировать (поддерживать, транслировать) политическую повестку.

Партийную риторику мы понимаем в традиции теории рационального выбора, заложенной В. Райкером, как «выбор партиями декларируемых в предвыборных программах проблем и способов их артикуляции» [Riker, 1996, p. 172]. Данное определение вполне применимо не только к предвыборным программам, но и к любым другим видам партийных текстов. В нашем исследовании партийные предвыборные программы мы не рассматривали по двум причинам. Во-первых, для целей нашего анализа они малоинформативны: в них, как правило, доминирует тактический уровень партийной идеологии и превалирует социально-политический контекст конкретной предвыборной ситуации, а вызовам и угрозам внимания уделяется мало. Во-вторых, мы исследуем период, который начинается после парламентских выборов 2011 г. и заканчивается накануне выборов 2016 г. Кроме того, сравнение предвыборных программ не дает достаточной информации для выделения идеологической динамики партий.

2012 год был выбран в качестве точки отсчета как во многом переломный момент – как год окончания предвыборных кампаний (парламентской и президентской), которые проходили в напряженном контексте экономического кризиса 2008–2009 гг. и усиления гражданской активности, массовых социально-политических выступлений. С другой стороны, уже в следующем году существенно изменяется внешне- и внутривнутриполитический контекст: кризис на Украине, последующее присоединение Крыма, изменения в сфере международных отношений. В течение изучаемого периода заметно трансформировались общественные настроения.

Источники нашего исследования – партийные газеты («ЛДПР», «Справедливая Россия», «Правда», выходят раз в месяц), а в случае с «Единой Россией», у которой нет периодического издания, – материалы официального сайта. Тексты выбирались по ключевым словам: риски, угрозы, вызовы, опасности, катастрофа, враг. Детальный анализ значений данных понятий мы не проводили, так как для нас было важно, что они обозначают экстраординарные

нарную ситуацию, отклонение от обыденной реальности (именно поэтому мы не включили в поле анализа слова «проблемы», «конфликты», «противоречия» в силу их рутинности для социально-политической практики). Нас также интересовало, какие смыслы сами партии вкладывают в рассматриваемые понятия. Однако выяснилось, что значимой специфики нет, в большинстве случаев эти понятия используются партиями в качестве синонимов и обозначают проблемную ситуацию, реально или потенциально чреватую негативными социально-политическими последствиями. Поэтому при интерпретации результатов исследования мы также будем использовать эти слова как синонимы.

При анализе учитывался контекст словоупотребления. Во-первых, отсекались случаи «нецелевого» для нас использования (например, вызов врача на дом), а во-вторых, рассматривался только современный период, риски, вызовы и угрозы, имеющие отношение к прошлому страны (Первая мировая и Великая Отечественная война, холодная война и т.д.), также не включались в анализ.

На начальном этапе исследования мы подсчитали частотность словоупотребления.

Таблица 1

Соотношение количества источников и количества использования понятий «угрозы», «риски», «опасности», «вызовы», «катастрофы», «враг» в партийной риторике за период с 2012 г. по настоящее время

	<i>угрозы</i>	<i>риски</i>	<i>опасности</i>	<i>вызовы</i>	<i>катастрофа</i>	<i>враг</i>	<i>всего</i>
<i>«Единая Россия»</i>	0,2	0,1	0,1	0,2	–	–	0,6
<i>ЛДПР</i>	1,4	0,4	1,2	0,3	1,0	1,7	6,0
<i>КПРФ</i>	3,8	1,3	3,5	1,0	2,0	1,4	11,0
<i>«Справедливая Россия»</i>	3,1	2,3	3,3	1,3	1,4	0,9	12,3

Полученные данные оказались для нас во многом неожиданными. Как оказалось, «Единая Россия» использует «угрожающую» терминологию значительно реже, а такие эмоционально нагруженные понятия, как «враг» и «катастрофа», практически отсутствуют в ее лексиконе. Предполагалось, что «Единая Россия», как партия власти, целиком и полностью разделяющая официальную повестку, будет активнее

использовать подобную терминологию. Второй неожиданностью стало обилие этой лексики у «Справедливой России», которая всегда выступала с очень умеренных позиций по отношению к действующей власти и к текущей ситуации.

Риски, вызовы и угрозы в риторике «Единой России»

При немногочисленности рисков, вызовов и угроз в риторике партии «Единая Россия» их эволюция, как показывают результаты исследования, весьма интересна.

В текстах ЕР активное обсуждение вызовов, рисков, угроз в большинстве случаев было приурочено к программным выступлениям В. Путина. Партийные тексты мультиплицируют и воспроизводят «авторские» дискурсы, причем их содержательная и символическая составляющая не интерпретируется, не обогащается новыми смыслами и значениями. Партийная идеология выступает в качестве одного из трансляторов, рупоров властной версии вызовов и угроз. На этом основании мы сочли возможным объединить партийную риторику и тексты президента в единое понятие «властная риторика».

Так, в 2012 г. репертуар вызовов и угроз для ЕР был задан одной из предвыборных статей В. Путина «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» [Путин, 2012].

В этот период властная риторика носила сдержанный, осторожный и «миролюбивый» характер, подчеркивала ценность диалога между властью и обществом, а доверие граждан к власти и их включение в легитимную общественно-политическую деятельность представляли в качестве главного условия благополучного общественного развития. Данный контекст существенно повлиял на интерпретацию социальных проблем, стоящих перед страной. Абсолютное большинство вызовов во властной риторике носят «внутренний» характер, а их источниками выступают в равной степени как негативные свойства элит («...*стремление части элит к рывку, к революции... либо их склонность к застою... неконкурентность элит и высокий уровень коррупции*»), так и качество гражданского общества [Путин, 2012]. При этом и элиты, и гражданское общество во многом деперсонифицированы и лишены субъектных характеристик, социальные проблемы не рассматри-

ваются как итог субъективной «политической воли» или «политического выбора», но предстают отражением «системных свойств» общества (*«Такая ситуация традиционно порождалась слабостью общественного контроля за политиками, неразвитостью в России гражданского общества»* [Путин, 2012]).

Отношение к вызовам и угрозам выступает критерием «подлинности жизни», «реального» участия в ней, отделяя тех, кто *«реально отвечает за жизнь в стране... кто понимает реальную картину происходящего... кто видит реальные опасности»*, от тех, *«кто мелет языком на Болотной площади»* [Мамонтов, 2012]. Причем это намечающееся противопоставление носит не социально-классовый характер, но мировоззренческий.

Больше всего вызовов и угроз обнаружено в экономической сфере, решить их способны гражданское общество и образованный средний класс (*«Более образованные люди – это большая продолжительность жизни, это меньший уровень преступности, асоциального поведения, более рациональный выбор. Всё это уже – само по себе – создает благоприятный фон для нашего будущего»* [Путин, 2012].)

Во властной риторике присутствуют «внешние силы» («единственный центр силы», «крупнейшие экономические центры», «ряд регионов планеты», «Европа»), но, во-первых, некоторые из них также выступают отражением деперсонифицированных глобальных «системных процессов» («то, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации» [Путин, 2012]). Во-вторых, если «внешние силы» предстают ответственными за глобальный экономический кризис, то это не исключает возможности диалога с ними, а напротив, диалог объявляется единственно возможным путем преодоления глобальных социальных проблем («...обстановка в мире требует доверительного и ответственного сотрудничества государств... Необходимы постоянные усилия для преодоления взаимной подозрительности, идеологических предубеждений и близорукого эгоизма...» [там же]). В риторике 2012 г. Россия и другие «центры силы» еще были включены в общий мировой и исторический контекст («Это урок (арабские революции) и для Европы, и для России, и для Соединенных Штатов» [Итоги 2011 года, 2012]).

В целом в 2012 г. вызовы во властной риторике интерпретировались в тойнбианской традиции, как стимулы для творческого развития общества и государства¹, а противоречие между «людьми дела» и «людьми слова» только намечалось.

Однако в 2013 г. данное противоречие становится идейным центром интерпретации рисков, вызовов и угроз. Либеральная платформа партии инициировала дискуссию о сущности либерализма, противопоставив «истинную» и «ложную» его версии (что отразилось уже в названиях ключевых статей: «Подмена либерализма» [Марков, 2013]; «Либеральная мысль в России должна стать национальной» [Зудин, 2013]; «Манифест российского политического либерализма» [Плигин, Зубарев, Фадеев, 2013 а]; «Ответ либералов опытному пропагандисту» [Рогожников, 2013]; «Против дискредитации либерализма» [Плигин, Зубарев, Фадеев, 2013 б]).

В преддверии региональных выборов, в ситуации еще высокой популярности либеральных идей «Единая Россия», стремясь перехватить инициативу у оппозиции, предлагает свою версию либерализма, антагонистичную его «западной» версии, – государствоцентричного, отвечающего «традициям российского коллективизма и уважения к власти» (*«народное объединение в защиту свободы и независимости, через жертвенность и трудолюбие»*) [Марков, 2013]).

«Символический захват» либерального бренда сопровождался усилением негативной и агрессивной интерпретации либеральных оппозиционеров. Оппозиционеры предстали в качестве главных субъектов актуальных российских угроз и опасностей, причем спектр этих угроз многообразен – искажение либеральных идей (*«пора защитить либеральные ценности от опасности их поглощения тем, что к настоящим ценностям либерализма никакого отношения не имеет»*) [Зудин, 2013]), дестабилизация общественных настроений (*«нагнетание истерии... ложью и умолчаниями под лозунгами борьбы за правду»*) [Либеральная платформа,

---

¹ Вызовы в интерпретации Тойнби представляют собой «ряд проблем», с которыми сталкивается общество. Эти проблемы обладают внешней этимологией по отношению к социуму и носят, как правило, позитивный, творческий характер: выступая в качестве «внешнего фактора», они «превращают “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [А.Дж. Тойнби. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 84. – 612 с.], т.е., другими словами, являются одним из механизмов общественного развития.

2013]), переинтерпретация истории («делаются чудовищные извращения истории» [Быков, Механик, Рогожников, 2013]), а также хаос 90-х («Как в 90-е годы, когда результатами тотального либерализма стали развал страны и угроза потери суверенитета») [Яровая, 2013]).

Меняет свое значение и идея общественного диалога – из пространства коммуникации, которое еще недавно озвучивалось как всеобщее и открытое для всех, исключаются либеральные оппозиционеры, а их дискурс, в определении М. Фуко [Фуко, 1996, с. 18], отделяется и отбрасывается (обесценивается и маркируется как ложный – «ими, ясное дело, движет ненависть и нетерпимость» [Быстрицкий, 2013]).

Внешнее пространство начинает интерпретироваться уже как источник не только вызовов, но и угроз и опасностей, требующих обороны и системы безопасности. Причем исходящие извне угрозы и опасности наделяются «примордиальными» чертами исторической и культурной обусловленности («мы пережили за столетия несколько агрессий... нам нужны национальная безопасность, оборона...») [Быков, Механик, Рогожников, 2013]).

С 2014 г. и по настоящее время существенной динамики рисков, вызовов и угроз в риторике ЕР не наблюдается – репертуар смыслов остается стабильным, изменения носят «внешний» характер и зависят от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры: так, в 2014 г. актуализировались внешние «угрозы», в 2015 г. из-за снижения темпов экономического роста усилилась тема экономических «вызовов», а также «опасности» терроризма в преддверии Сирийской операции.

Произошла «стабилизация» рисков и угроз в риторике ЕР, их субъекты и объекты определились, что связано, видимо, с идеологической консолидацией российского социума и с общественным согласием по поводу «консервативных ценностей» патриотизма, традиционализма, нетерпимости к иным идейным траекториям.

Сценарии репрезентации вызовов и угроз в риторике ЛДПР и КПРФ

Стратегии интерпретации рисков, вызовов и угроз в риторике ЛДПР и КПРФ, при очевидном идеологическом различии партий, оказались во многом сходными.

Перечень опасностей, вызовов и угроз в риторике обеих партий гораздо многообразнее и богаче, чем у ЕР. Он затрагивает практически все уровни социальной организации – от международных отношений до качества питьевой воды, от угрозы терроризма до цен на лекарства, от глобального экономического кризиса до проблем преподавания физкультуры в средней школе. В богатой палитре вызовов и угроз выделяются инвариантные, системообразующие для ЛДПР и КПРФ идеологемы – для ЛДПР это опасности, угрожающие «русскому миру» (*«Перед нами угроза гибели нас как нации, гибели нашего языка, нашей культуры. Нас всех превратят в... крепостных, рабов. Русские, нам надо скорее остановить это бездумное падение в пропасть...»* [25 лет ни шагу назад, 2015, с. 2]), а для КПРФ – классовая борьба и коварство классового врага (*«...нельзя уводить рабочих от осознания непримиримости противоречия между трудом и капиталом – ...между пролетариатом, составляющим сегодня в России громадное большинство ведущей русской нации, и классом крупного капитала – ничтожным меньшинством нации»* [Белов, 2016, с. 3])

Обе партии, в отличие от Единой России, присваивают себе особый статус в отношении опасностей – своеобразного флагмана в распознавании вызовов и угроз, прозорливого эксперта, способного загодя идентифицировать будущие угрозы (ЛДПР: *«За 23 года существования ЛДПР наши диагнозы и прогнозы всегда были точны. И миллионы граждан России в полной мере оценили это важнейшее для политической партии качество – первой распознать опасность, с которой столкнулось общество, и вовремя предупредить о ней россиян»* [Жириновский, 2012 а, с. 2]; КПРФ: *«Между тем КПРФ давно предупреждала об этой опасности! Жизнь подтвердила правильность наших оценок»* [Зюганов, 2016, с. 3]). Эта превентивность в оценке опасностей выступает важным политическим ресурсом, показателем высокого уровня политической компетентности партий, отражая присущее им стратегическое системное мышление и политическую проницательность.

Эволюция вызовов и угроз в риторике ЛДПР и КПРФ не так наглядна, как у ЕР, но протекает она в том же направлении. В 2012 г., в риторике обеих партий, большинство опасностей, вызовов и угроз было сосредоточено в пределах государства. Кроме того, обе партии активно использовали понятие, которое практически не встречается в риторике ЕР, – катастрофа. В текстах

2012 г. оно повторяется регулярно, причем для характеристики практически всех сфер общественной жизни – экономической, экологической, социальной, демографической и т.д. («мы... предупреждаем о надвигающейся экологической катастрофе...») [Свинцов, 2012, с. 1], «Страна находится на пороге социальной катастрофы» [Деньгин, 2012, с. 3], «речь идет о настоящей гуманитарной катастрофе» [ЛДПР – Фабрика интеллекта, 2012, с. 3], «ситуации катастрофического вымирания населения» [Жириновский, 2012 б, с. 1]; КПРФ: «Хищническая эксплуатация недр приводит к экологическим катастрофам, вызывающим оторопь даже у равнодушного обывателя» [Ряшин, 2015, с. 5]).

Субъект катастрофических ситуаций называется прямо и категорично – это действующая власть. ЛДПР: «Глупость власти, ее нежелание слушать мнение специалистов и проводить политические и экономические преобразования... является причиной всех национальных катастроф. Да плюс полное игнорирование оппозиции...»; «Мы не устанем повторять о системных ошибках власти» [Причины национальных катастроф, 2012, с. 3]. КПРФ: «...наблюдается катастрофическое падение доверия населения ко всем органам власти» [Хроника кризисного развития, 2012].

Прямое обличение действующей власти усилилось в риторике обеих партий в период парламентской избирательной кампании 2011 г., когда правящая элита выступала в качестве основного субъекта ответственности за состояние дел в стране – при демонстрации явной симпатии протестующим. КПРФ: «Действующая власть бросила вызов всей стране, всему обществу... но народ теперь уже не тот, все активнее люди голосуют против Путина и “Единой России”» [Симонин, 2012, с. 3].

Изменение конфигурации внешне- и внутривластной сфер в 2013 г. повлекло за собой и изменение партийной риторики, однако в данном случае стратегии ЛДПР и КПРФ несколько отличались.

Так, например, у ЛДПР трансформация была заметнее, в некоторых контекстах смыслы и значения поменялись на противоположные. Источник угроз и его субъекты переместились во внешнее пространство, а доминирующим вызовом стало «сохранение государства» («...призываю сегодня наших сограждан к тому, чтобы не поддаваться угрозам извне, встать спиной к спине и дать понять миру, что больше мы не дадим себя разорить, ото-

брать у нас страну и нашу гордость» [Жириновский, 2015, с. 2]). Отношение к оппозиции также приобрело иное звучание («ЛДПР давно предупреждала, что псевдодемократы доведут дело до катастрофы» [Спирин, 2013, с. 7]), оформившись в «образ врага». Партия, в 2011 г. выступавшая за «взвешенную и ответственную» журналистику, в 2014 г. активно поддержала идею государственной пропаганды («Нужно направлять деньги на пропаганду, правильную идеологию, воспитание в школах, на правильные учебники истории. Только тогда мы сможем защитить Россию от внешних угроз и внутренних распрей» [Жириновский, 2014, с. 1]).

Другими словами, произошло стремительное концептуальное сближение с властным дискурсом и риторикой ЕР как его части, а партийная идентичность «подлинного патриота» снова стала центральной категорией партийной идеологии ЛДПР.

У КПРФ внешняя составляющая вызовов и угроз, безусловно, акцентируется энергичнее, в рамках этой темы демонстрируется полный паритет с властной риторикой («Скажем прямо: для нашей страны усиливается угроза натовской агрессии... сказано много слов о... необходимости консолидации общества для отпора внешним врагам...» [Зюганов, 2016 а]). Однако структура субъектов вызовов и угроз несколько иная, более сложная. Если для властной риторики и других парламентских партий субъекты – «внешние силы» и либеральная оппозиция внутри страны (как правило, агент внешних субъектов), то для КПРФ субъект классово детерминирован и территориально не локализован («Межимпериалистические противоречия связывают в тугой узел геополитику... Не остается в стороне и российский империализм... Никто не даст гарантии того, что он не окажется втянут в опасные для страны геополитические авантюры, если появится для него призрак выгоды» [Белов, 2015, с. 6]). У КПРФ более сложное отношение к патриотизму. Если во властной риторике патриотизм – это качество (духовно-ценностное), то для КПРФ – не только качество, но и инструмент, механизм классовой манипуляции («В последние годы... в России и нещадно эксплуатирует государственно-патриотическая риторика... В сознание пролетария... вдальблывается мысль, что он должен претерпеть как патриот и гражданин все... тяготы для защиты единого для всех отечества» [Зюганов, 2012 б, с. 1]). Однако природа «подлинного» патриотизма становится еще одной «точкой согласия» с властным дискурсом – это традиции и

история государства и недопустимость их переинтерпретации («...недопустимо... очернение пути, пройденного всем советским народом при социализме» [Крючков, 2016, с. 3]).

Репрезентация вызовов и угроз в риторике «Справедливой России»

Риторика «Справедливой России» в отношении рисков и угроз наименее интересна и выразительна. При обилии «угрожающей» лексики представления о рисках и угрозах у СР не складываются в единую систематизированную картину. Видимо, концептуального значения для партии риски и угрозы не имеют. СР, в отличие от КПРФ и ЛДПР, не стремится осуществить макроанализ российского социума и представить глобальные умозаключения о его функционировании и развитии. Риторика СР носит скорее тактический, нежели стратегический характер. Отсюда, с одной стороны, не организованный единой логикой калейдоскоп вызовов, рисков, опасностей и угроз. С другой стороны, «формальность» их выражения, скорее стилистический прием, придание эмоциональной фактуры текстам. СР активно использует эмоционально насыщенные понятия «катастрофа», «враги», «угрозы», но касаются они самых разнородных явлений социальной реальности («коррупционер, казнокрад и «оборотень в погонах» – не менее страшные враги» [Козлов, 2014 а, с. 9]; «террористы, контрабандисты и прочие враги отечества» [Гусейнова, 2014 а, с. 3]; «у врачей появился злейший враг – Интернет» [Гусейнова, 2014 б, с. 8]; «катастрофическая ситуация в кладбищенском хозяйстве» [Романович, 2013, с. 9]; «...Европа... совершила... шаги за пределы, очерченные человеческой моралью, поставили себя на грань, за которой – катастрофа» [Пахолков, 2014, с. 11]; «кредитовные стало национальной угрозой России» [Филатова, 2013, с. 10]).

Однако и в риторике СР проявляется отмеченная идейная эволюция, хотя и гораздо слабее, чем у ЛДПР и КПРФ. В предвыборной кампании 2011 г. СР, как и ЛДПР и КПРФ, также демонстрировала повышенную критичность по отношению к действующим политическим институтам, активно дистанцируясь от имиджа «второй партии власти». Идея социальной справедливости, центральная для идеологии СР, в тот период приобрела политическое

звучание, а социальная сфера стала интерпретироваться как тесно связанная с политикой. Партия, по сути, выступала за изменение режимных характеристик власти (предлагая, например, возврат к выборности властных институтов). Вызовы и угрозы в партийной риторике 2012 г. еще в большей степени вытекают из некомпетентности государственных институтов. Однако в 2013 г. партия снова становится транслятором – хотя и более слабым, чем ЕР, – властной риторики, к которой партия активно добавляет социальную проблематику. Для СР, как и для ЕР, выступления президента становятся «идейными поводами», стимулами для обсуждения заданной темы – в заданном поле смыслов. Основным объектом вызовов и угроз также становится российская государственность с присущим ей идейно-ценностным комплексом (*«наиболее серьезный вызов России сегодня – атака на ее духовные ценности, геополитические и экономические интересы под прикрытием западноевропейской идеи прогресса»*) [Козлов, 2014 б, с. 1]). Рейтинг субъектов угроз также статичен (*«С учетом беспрецедентного поведения и действий Запада настала пора разработать новые доктрины внутренней и внешней политики. Они должны стать разумным ответом на современные вызовы и угрозы»*) [Миронов, 2014, с. 1]). Надо отметить, что «внутренние» оппоненты выделены гораздо слабее, чем в риторике других партий, одним из значимых вызовов 2014 г. объявляется переинтерпретация истории (*«сегодня русский, русскоязычный мир стоит перед очередным вызовом: идет циничное переписывание истории с целью заглушить общую историческую память русскоязычного населения бывшего СССР»*) [Козлов, 2014 с, с. 6]).

Заключение

Проведенный анализ показал, что репертуар рисков, вызовов, угроз у российских парламентских партий, а также его динамика в период с 2012 г. обладают существенным сходством. При видимых внешних различиях – в количестве используемой лексики, в широте ее проявлений – существует общая тенденция. Она заключается в том, что, во-первых, меняется пространственная локализация рисков. Если в 2012 г. источником основных значимых угроз была внутренняя сфера – внутривнутриполитическое пространство

государства, – то с 2013 г. фокус все больше смещается в сторону внешнего, международного пространства. Соответственно, изменяется атрибуция вызовов, угроз, причем особенно заметно – в риторике «Единой России». Если в 2012 г. основные субъекты рисков и угроз были внутривластными, то с 2013 г. – внешнеполитическими. В 2012 г. при атрибутировании внутривластных субъектов у «Единой России» происходило разделение ответственности – между властными институтами и структурами гражданского общества, в 2013 г. ответственность однозначно выносится вовне, а внутренние субъекты опасности начинают интерпретироваться как «агенты влияния» внешних. Изменение локализации рисков и их атрибуции сопровождалось сокращением пространства диалога с теми социальными группами, которые определялись как субъект рисков, вплоть до антагонизма «мы – они».

Хотя «Единая Россия» меньше остальных партий упоминает риски и угрозы, тем не менее она задает концептуальный тренд, который воспроизводят остальные партии. Немногочисленность использований данных понятий у «Единой России» связана, по-видимому, с тем, что партия власти стремится ассоциироваться прежде всего с позитивной программой социальных изменений, с активной деятельностью по преобразованию и улучшению общественной жизни («партия дела»), а на трансляции рисков и угроз специализируются другие властные институты.

Партии «системной оппозиции» в 2013 г. существенно снизили градус критичности по отношению к действующей власти как субъекту основных вызовов и угроз.

При разнообразии тактических рисков и угроз в партийных текстах (экология, социальная сфера, техногенная среда) наблюдается полный консенсус по поводу «ключевых», «принципиальных» рисков и угроз, введенных в общественное информационное поле официальными структурами, главной среди которых остается угроза «российской государственности».

Таким образом, динамика интерпретации рисков и угроз в партийной риторике подтверждает тезис о продолжающемся сближении идеологических позиций российских партий вокруг комплекса идей, предложенных властным субъектом, обладающим монополией на производство ключевых смыслов и значений в современном российском обществе.

Список литературы

- 25 лет ни шагу назад. Аналитический центр ЛДПР // ЛДПР. – М., 2015. – № 1 (296 / 2015). – С. 2.
- Андрей Быстрицкий о Либеральной платформе // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 1 февраля. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96406/> (Дата посещения: 07.05.2016.)
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
- Белов Ю. Геополитика и тяжелая индустрия // Правда. – М., 2015. – № 106 (30312). – С. 6.
- Белов Ю. Одна страна и два отечества // Правда. – М., 2016. – № 6 (30357). – С. 3.
- Быков П., Механик А., Рогожников М. Либеральная платформа: Они не равны // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 28 мая. – Режим доступа: <http://er.ru/news/101720/> (Дата посещения: 13.04.2016.)
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – М., 1994. – Вып. 5. – С. 40–102.
- Горин Д. Навязанная (без) опасность // Отечественные записки. – М., 2013. – № 2 (53). – С. 136–147.
- Гришаев В.В. Риск и общество (дискуссия о понятии риска и библиография). – М.: Логос, 2002. – 182 с.
- Гусейнова И. «Мухи» съели украинского пограничника // Справедливая Россия. – М., 2014 а. – № 4 (142). – С. 3.
- Гусейнова И. Новый враг медицины – интернет: все больше людей лечатся в сети // Справедливая Россия. – М., 2014 б. – № 17 (155). – С. 8.
- Деньгин В. Спасти новое поколение от гибели // ЛДПР. – М., 2012. – № 04 (263). – С. 3.
- Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
- Жириновский В. Законы во благо людей // ЛДПР, Информационный бюллетень кандидата в Президенты Российской Федерации от Либерально-демократической партии России Жириновского Владимира Вольфовича. – М., 2012. – С. 1.
- Жириновский В. Ответный удар // Общественно-политическая газета «ЛДПР». – М., 2015. – № 07 (302). – С. 2.
- Жириновский В. Фонтан ненависти народов // Общественно-политическая газета «ЛДПР». – М., 2014. – № 05 (288). – С. 1.
- Жириновский В. Хватит это терпеть! // Жириновский. Или будет хуже. Информационный бюллетень кандидата в Президенты Российской Федерации от ЛДПР Жириновского Владимира Вольфовича. – М., 2012. – С. 2.
- Зудин А. Либеральная мысль в России должна стать национальной // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 5 февраля. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96551/> (Дата посещения: 17.02.2016.)
- Зюганов Г. Благие пожелания, не подкрепленные реальной финансовой политикой // Правда. – М., 2012. – №138 (29912). – С. 1.
- Зюганов Г. Ельцин-центр – памятник национальному предательству // Официальный сайт КПРФ. – М., 2016 а. – 12 января. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/149180.html> (Дата посещения: 06.03.2016.)

- Зюганов Г. России нужен не «отскок-наскок», а решительная смена курса // Правда. – М., 2016 в. – № 8 (30359). – С. 3.
- Итоги 2011 года: Мнение политиков и экспертов // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2012. – 2 января. – Режим доступа: <http://er.ru/news/71019/> (Дата посещения: 03.05.2016.)
- Козлов А. Депутат Госдумы Олег Пахолков подарит УАЗ-HUNTER за лучший патриотический автотюнинг // Справедливая Россия. – М., 2014 а. – № 36 (174). – С. 6.
- Козлов А. Приравнять коррупцию в силовых органах к государственной измене // Справедливая Россия. – М., 2014 в. – № 03 (141). – С. 9.
- Козлов А. Сергей Миронов: Ответ на вызовы – социальная справедливость и новая индустриализация // Справедливая Россия. – М., 2014 с. – № 45 (183). – С. 1.
- Крючков Г. Сегодняшняя Украина: анфас и профиль. Размышления о политических итогах прошедшего года // Правда. – М., 2016. – № 9 (30360). – С. 3.
- ЛДПР – Фабрика интеллекта. Интервью с А.Н. Стрельцовым // ЛДПР. – М., 2012. – № 05 (264). – С. 3.
- Либеральная платформа: Партия убедительно победила на выборах. ER.RU публикует заявление Либеральной платформы «Единой России» // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 13 сентября. – Режим доступа: <http://er.ru/news/105981/> (Дата посещения: 19.02.2016.)
- Луман Н. Понятие риска // THESIS. – М., 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.
- Мамонтов В. России нужно вернуть понятие подлинности в жизнь // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2012. – 3 января. – Режим доступа: <http://er.ru/news/70373/3> (Дата посещения: 13.04.2016.)
- Марков С. Подмена либерализма // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 1 февраля. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96388/> (Дата посещения: 27.04.2016.)
- Миронов С. Россия сумеет противостоять любому давлению // Справедливая Россия. – М., 2014. – № 33 (171). – С. 1.
- Пахолков О. Европа показала всему миру, что теперь она из себя представляет // Справедливая Россия. – М., 2014. – № 19 (157). – С. 11.
- Плигин В., Зубарев В., Фадеев В. Против дискредитации либерализма. Заявление Либеральной платформы в составе партии «Единая Россия» // Официальный сайт партии «Единая Россия». – 2013. – 30 января. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96220/> (Дата посещения: 16.04.2016.)
- Плигин В., Зубарев В., Фадеев В. Манифест российского политического либерализма // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2016. – 7 марта. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96408/> (Дата посещения: 27.04.2016.)
- Причины национальных катастроф. Аналитический центр ЛДПР // Общественно-политическая газета «ЛДПР». – М., 2012. – № 04 (263). – С. 3.
- Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2012. – 16 января. – Режим доступа: <http://er.ru/news/71745/> (Дата посещения: 02.03.2016.)
- Рогожников М. Ответ либералов опытному пропагандисту // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 14 февраля. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96958/> (Дата посещения: 02.05.2016.)

- Романович А.* Подмосковье – не погост для Столицы // Справедливая Россия. – М., 2016. – № 17 (114). – С. 9.
- Ряшин В.* Чумазый олигархат сильно наследил // Правда. – М., 2015. – № 133 (30339). – С. 4.
- Свинцов А.* Черная дыра в сердце России // Общественно-политическая газета «ЛДПР». – М., № 10 (269) / 2012. – С. 1.
- Симонин В.* Коммунисты положат конец смуте // Правда. – М., 2012. – № 6 (29780). – С. 3.
- Спирин Ю.* Старт или тупик? // Общественно-политическая газета «ЛДПР». – М., 2013. – № 12 (283). – С. 7.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 612 с.
- Филатова Н.* Онищенко назвал кредитование национальной угрозой России // Справедливая Россия. – М., 2013. – № 32 (129). – С. 10.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.
- Хроника кризисного развития. Из главных новостей 29 марта 2011 года // Официальный сайт КПРФ. – М., 2011. – 29 марта. – Режим доступа: https://kprf.ru/rus_soc/89623.html (Дата посещения: 07.02.2016.)
- Яровая И.* Быть сильными – это любить свой народ и укреплять страну // Официальный сайт партии «Единая Россия». – М., 2013. – 7 февраля. – Режим доступа: <https://er.ru/news/96614/> (Дата посещения: 27.03.2016.)
- Riker W.H.* The strategy of the rhetoric. – New Haven: Yale univ. press, 1996. – 283 p.